

Александр Кулик

18+

МЫ НЕ МЫ,

ПОКА МЫ - НЕ МЫ

Александр Кулик

Мы немые, пока мы – не мы

«Издательские решения»

Кулик А.

Мы немые, пока мы – не мы / А. Кулик — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-557731-3

Обрести бессмертие просто — нужно лишь, чтобы вас полюбил писатель или поэт. В новом романе Александр Кулик представит читателям свою версию ответа на вопрос «что ждёт нас по завершении жизненного пути?» и расскажет об одном из вариантов происхождения таких явлений, как «внутренний голос» и «вдохновение». Не обойдётся история и без любви, пронесённой сквозь годы, без дружбы и предательства, без страстей и смирения — всего того, что сопровождает нас на протяжении жизни и является самой её сутью.

ISBN 978-5-00-557731-3

© Кулик А.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Глава 1. Знакомство	7
Глава 2. Голоса в голове	9
Глава 3. Распределяющая шляпа	10
Глава 4. Курс молодого бойца	12
Глава 5. Выходной	14
Глава 6. Валян	16
Глава 7. Назначение	17
Глава 8. Архив	18
Глава 9. Том XV	20
Глава 10. Город-сказка	22
Глава 11. Том XXV	25
Глава 12. Из неизданного	28
Глава 13. Пост принял	31
Глава 14. Пробуждение	34
Глава 15. Первый блин	37
Глава 16. Катерина	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Мы немые, пока мы – не мы

Александр Кулик

© Александр Кулик, 2022

ISBN 978-5-0055-7731-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

*Единственному, что остаётся с нами
всю нашу жизнь, – самой жизни посвящается эта книга.*

Тем из вас, мои дорогие вечно спешащие по своим неотложным делам читатели, кому будет не жаль потратить на изучение данного текста ещё одну минуту, рекомендую ознакомиться с небольшой предысторией его создания.

Первая фраза этой книги появилась в моей голове почти сразу после того, как я осознал, что выиграл в лотерею самый крупный из возможных призов – свою собственную жизнь.

Проклятые последствия ковида заставили меня, лёжа на больничной койке, сыграть в русскую рулетку – по словам моего лечащего врача, шансы на успех у меня были примерно такие же, как и в этой, без сомнения, увлекательнейшей игре, если зарядить в барабан все патроны, кроме одного.

Весь же дальнейший сюжет обретал свои очертания немного дольше – после отмены двойных доз внутримышечного коктейля на основе димедрола с добавлением ещё каких-то чудодейственных препаратов фантазировать стало гораздо сложнее, поэтому законченная рукопись появилась приблизительно через восемь месяцев, после того, как я вернулся домой.

Перед тем, как приступить к основному повествованию, я хочу поблагодарить двух человек, без которых не смогла бы увидеть свет вся эта история. Во-первых – мою любимую супругу, всегда поддерживающую меня и читающую, несмотря ни на что, каждую главу буквально через несколько часов после её написания, а, во-вторых, Майю Рванец – поэтессу, стихами которой говорит с нами главный герой.

Все совпадения в книге, как и в жизни, не случайны. Если вам вдруг покажется, что вы узнали себя и вам это понравится – прекрасно, я рад, что смог доставить вам это удовольствие, в том же случае, если такое совпадение заставило вас нервничать и возмущаться, – уверяю, вам просто показалось, и герой этот был списан вовсе не с вас. Честное писательское.

Глава 1. Знакомство

Умер я первого марта 2017-го, в четвертом часу утра, лежа на протертом местами белье городской больницы №7, в хирургическом отделении, от осложнений после неумело проведенной операции.

Не скажу, что я как-то особенно зол на тех, кто должен был меня спасать. Теперь я просто желаю им лечиться у таких же, как они, специалистов, чтобы перед смертью у этих горе-последователей Гиппократа было время понять и почувствовать, что печальный финал неминуем, что никто и ничто им уже не поможет, что это конец. Думаю, этого их страха будет вполне достаточно, чтобы удовлетворить мое не слишком сильное желание отомстить.

Про то же, что «это конец», думают только те, кто пока еще находится там, на Земле. Например, такие мысли приходят к людям в тонущем автомобиле или падающем самолете, к лежащим на операционном столе, к парашютистам, понявшим, что запасной тоже не раскрылся, к солдату, оставшемуся с одной гранатой и без патронов на высоте 3234. Но эта мысль в корне неправильна, ошибочна и пуста. Беда только в том, что об этом ты узнаешь уже после того, как всё земное действительно закончится.

Зато когда ты это осознаешь, жить (да, придется называть дальнейшее наше существование вне своего земного тела этим же словом, иначе нужно будет постоянно придумывать какие-то нелепые синонимы) становится гораздо приятнее, покойнее, интереснее. Про то, как там (точнее, уже «тут») всё устроено, я обязательно вам поведаю, но для лучшего понимания этого устройства мне придется немного отступить назад и рассказать вам, чем же я занимался во времена своего обитания в мясо-костном состоянии.

Итак, о былом.

Родился я в далёком (по меркам какого-нибудь школьника-третьеклассника из 2020 года) 1984 году, в славном городе Ташкент, где проходил очередной этап своей службы мой отец. Учитывая то, что узбеков у нас в роду не было, а также последствия событий 1991 года для русских в Средней Азии, мне очень повезло, что уже через год с небольшим мы распрощались с арбузами по копейке за килограмм, кумысом, квартирой в новом микрорайоне и легким потряхиванием земной коры. С 1985 года я окончательно и бесповоротно осел в столице нашей родины – городе-герое Москве.

Как вы понимаете, детство моё пришлось на те самые девяностые, о которых ходит сейчас столько легенд и преданий. Не знаю, хорошо это или плохо, но у меня и моих товарищей любимым развлечением были костры для плавки свинца из автомобильных аккумуляторов, дымовухи из селитры, строительные патроны, пневматика ИЖ да сухой лед, вываливаемый в лужи с облаками белого пара.

Что такое интернет (медленный, работающий через модем по телефонной линии и бесплатный ночью), мы узнали только лет в тринадцать, зато любили читать и придумывать свои истории, что позже и сыграло свою роль в выборе пути. Ещё в этом, конечно же, помогли уроки литературы, которые я терпеть не мог, пока не ушел с головой в творчество Сергея Александровича Есенина, не влюбился в девочку Катю, которая теперь чаще бывает в Монако, чем в Москве, и не начал писать, с позволения сказать, стихи и прозу.

Конечно, когда я оканчивал школу (в неполные шестнадцать лет), выбор будущей профессии я сделал, пойдя на поводу у родителей, старших товарищей и у быстро растущего рынка компьютерной индустрии. И через шесть лет, после окончания университета, пришлось её (профессию) перевыбирать, подбирая что-то более подходящее для чуть повзрослевшего себя.

Все мы проходим в жизни через не одну трансформацию, которая влечет за собой смену ориентиров, появление новых идеалов и целей. Так, например, опытный юрист начинает торговать маслом для лодочных моторов через интернет, социальный педагог руководит прода-

жами табака от Москвы до Анапы, майор полиции, бросив службу, развивает сеть пиротехнических магазинов, а успешный менеджер проектов в тридцать пять лет решает стать учителем младших классов.

Вот и я, заканчивая дипломный проект, касающийся магистральных узлов связи для предоставления услуг по технологии triple play, не смог больше бороться с собой и из проектного отдела крупнейшей отечественной корпорации ушел работать корреспондентом в крупнейшее российское издательство. Р – рокировка.

В общем, так я стал писать за деньги, что понравилось мне гораздо больше, чем писать «за спасибо» или же просто «в стол» для себя.

Для общего понимания картины, этой информации тебе, мой дорогой читатель, будет достаточно, разве что добавлю еще кое-что: через какое-то время я перешел от малых журналистских форм к большим писательским – рассказам, повестям, романам.

Глава 2. Голоса в голове

Мне всегда было интересно изучать ответы музыкантов, поэтов и писателей на вопросы о том, как к ним приходит вдохновение, как рождается идея, откуда возникает образ будущего произведения. Путь этих, как оказалось, не так много, причем все они, если подумать, на самом деле являются одним и тем же, но немного видоизменяются в зависимости от личности конкретного человека.

Кому-то нужно просто сесть и, сосредоточившись в тишине на своих ощущениях, перенести их на бумагу в виде нот или букв. Кому-то, например, моей любимой Агате Кристи, нужно просто начать мыть посуду. Кто-то же прямо говорит, что слышит какие-то голоса в голове. Голоса эти буквально диктуют им, что нужно писать, причем иногда с такой скоростью, что человек успеваешь только записывать, а осмыслить результат может уже только после того, как этот поток информации иссякнет и появится возможность не спеша перечитать всё написанное.

В принципе, это и отличает, как мне казалось, творческого человека от человека разумного. Этот «человек разумный», как он думает, мыслит сам. Чаще всего мыслит очень убого, ограниченно и несовершенно, зачастую вообще основываясь на чужих суждениях. Зато без голосов в голове и всякой прочей потусторонней метафизики.

В моей голове тоже всегда жил такой голос. Пока жил я сам, конечно же. Он появлялся не всегда, иногда вообще пропадал на несколько дней или даже (о, ужас!) месяцев, оставляя меня в состоянии полной безнадеги, вгоняя в жесточайшую депрессию, заставляя сомневаться в себе и в правильности выбора пути.

Зато когда голос возвращался, я становился чем-то другим, я мог выдавать по статье, не требующей редакторской правки, каждые сорок минут, мог написать новеллу за несколько дней, а роман – за пару месяцев. Главное – успеть, пока он со мной. Пропали голос на полдороги, и мне крышка – когда он вернется, то, как это часто бывало, будет говорить уже совсем об ином и совершенно иными словами.

Мне кажется, именно с этим явлением и связано, например, изменение музыки The Beatles в альбоме Rubber Soul, появление у Харуки Мураками несвойственных ему текстов и последующее возвращение к своему прежнему стилю в «Убийстве командора» и еще множество подобных явлений в музыке и литературе. Просто у всех этих людей творческих на какое-то время пропал или изменился голос, звучащий в голове.

Единственное, о чем важно не забывать, когда говоришь о голосах в голове, – это о самых банальных, но, к сожалению, часто приносящих массу проблем и горя психических расстройств, которые также могут сопровождаться голосами в голове, нашептывающими что-нибудь вроде «убей всех человек» или «ты истинная королева английская».

Так вот. Теперь голосом в голове стал я сам. Об этом и будет моя история.

Глава 3. Распределяющая шляпа

Нет-нет-нет. Никакой магии вне Хогвартса. Реальная жизнь после смерти никак не связана с волшебством. Старшие, более опытные товарищи как-то рассказывали мне о том, что не всё в книгах о волшебниках вымысел, не забывайте, что писали их под диктовку всё тех же голосов в голове, которые кое-что, да знают. Но сейчас не об этом.

Говоря о распределяющей шляпе, я хотел сказать только одно – в моём нынешнем месте обитания при поступлении новых душ (не люблю это слово, но оно заметно упростит нам с вами взаимопонимание) тоже происходит некое действие, напоминающее распределение по факультетам. Конечно, здесь оно гораздо запутаннее, многослойнее и сложнее, чем в обычном институте и даже чем в Школе Чародейства и Волшебства.

Первым делом, когда сознание покидает свою телесную оболочку, оно отправляется в небольшое путешествие по тому самому коридору, вход в который видят многие люди, побывавшие на грани жизни и смерти (на самом деле, правильнее говорить «жизни и новой жизни»). Тут от вас ничего не зависит – всё предельно просто и ясно, как в песне группы «Пикник»: «А он шёл себе по свету, насвистывал...». Идти не долго, препятствий никаких нет, зато есть время для осознания того, что ничего все-таки не закончилось и что впереди тебя ждет что-то очень важное и интересное.

Самое интересное во всём этом путешествии – ко многому из того, что тебе предстоит увидеть, ты, в общем-то, будешь готов. Почему? Просто потому, что ты читал, смотрел кино и слушал песни, пока жил свою земную жизнь и таким образом узнал-таки часть правды о здешнем, внеземном мире. Мы снова возвращаемся к тому, что «в каждой шутке есть доля правды», а люди сами по себе слишком ограничены в своём мышлении, чтобы самостоятельно (без помощи голосов в голове) дойти до всех этих коридоров между мирами, чистилищ и прочих атрибутов перехода в «мир иной».

Так вот, идешь ты по коридору... Ах да, чуть не забыл – нужно же рассказать о том, во что ты превращаешься после дематериализации. Тут дело только твоего вкуса и выбора. Представь себе, право выбора остаётся с тобой даже после смерти. Я, например, всегда был уверен, что призраки (они же души, духи, привидения) выглядят так же, как выглядели их телесные прообразы, только чуть прозрачнее и умеют летать. Спасибо книгам, мультикам и Голливуду. Поэтому я двигался к свету в конце туннеля, в принципе, в своём привычном облике, только без ста с лишним килограммов биомассы, оставшейся лежать на больничной койке.

Позже я узнал, что некоторые мои соседи предпочли стать ветром. Неуловимым, неосозаемым и невидимым. Кто-то превратился в сгустки энергии, похожие на шаровые молнии. Особо впечатлительные любители богословских текстов стали ангелами, какими их изображали на старинных гравюрах, ценители истории древнего мира – в богов-гигантов с вершины Олимпа, а несколько раз мне встречались и вовсе диковинные существа, вроде египетского бога Анубиса (парень с головой собаки) и индийского царя птиц Гаруду (получеловек и полуптица). Но это однозначно исключения. Большинство моих новых друзей выглядит так же, как и я, – вполне себе по-человечески.

Теперь, когда вы можете себе представить, как это, «идёшь по коридору», после того, как ходить ты совсем перестал, продолжим нашу экскурсию. Дойдя до яркого пятна в конце, главное – набраться храбрости и вступить в него. Хорошо, если к этому моменту уже осознаешь, что бояться, в привычном смысле, уже нечего. Кстати, важная информация для всех любителей себя накручивать и придумывать поводы для переживаний даже после физической смерти – АДА НЕТ. Вот просто нет, и всё; потом как-нибудь расскажу, что же происходит с теми, кто, по нашему мнению, вел неправильную земную жизнь.

Зато есть город. Бесконечный город-сад. Когда я немного обжился на новом месте, я, кажется, стал понимать, почему он так похож на старинный уютный городок, который я однажды встретил во время своего путешествия по Германии – просто мне хотелось видеть жизнь на небесах именно такой. Такой она для меня и стала.

Здесь вообще всё выглядит и происходит так, как ты себе нафантазировал когда-то давно. Город этот для каждого из его обитателей представляется по-своему, но, несмотря на такую особенность, это никак не мешает его жителям взаимодействовать, встречаться, разговаривать и решать совместные задачи. Просто один из собеседников видит себя и своего товарища в гостиной старинного домика, а второй, например, с удовольствием беседует с ним в стеклянном небоскребе с видом на Эмпайр-стейт-билдинг в Нью-Йорке. Как по мне, отличное решение – все счастливы, всем комфортно, все могут думать о деле, не отвлекаясь на мелкие бытовые неурядицы и нереализованные мечты.

Всё, теперь точно о распределении, больше не отвлекаюсь. Когда я оказался за порогом, меня встретил... Нет, не бородатый человек в белом. Меня встретил приятный голос (женский, разумеется, голос, похожий на Blythe Pepino из британского коллектива Vaults, ведь это мой загробный мир). Мне было сказано, что в ратуше меня ждёт Mr. Sandman (ага, я тоже в курсе, что это Песочный человек, про которого пели The Chordettes), он-то и расскажет мне, как быть дальше.

Городок наш был хоть и бескрайним (мне никогда не удавалось дойти до выезда из него), но до любого нужного тебе объекта идти всегда не больше десяти минут – удобно, чего уж там. Вот я и отправился по его улочкам искать ратушу. Хотя «искать» – это громко сказано, шпиль на ее башенке виден из любого уголка города. Самое интересное, что улицы не производили впечатления необитаемых – кто-то явно их убирал, украшал витрины магазинов и выставлял горшки с цветами на подоконники старинных окошек, но людей нигде не было видно. Я решил, что с такими мелочами я попробую разобраться позже, и направился в сторону заветного шпиля.

Здание из красного кирпича стояло на небольшой площади, мощенной булыжником, перед зданием – небольшой фонтанчик с каким-то Черномором-Тритоном в центре. Правая половина огромных дверей была открыта, и я зашел, ни на минуту не сомневаясь и не думая о том, что же будет дальше.

А дальше было вот что. Встретил меня явно какой-то местный старожил, гораздо больше похожий на бородатого писателя-классика из школьного кабинета литературы моего детства, чем на загадочного мистера Песочного человека.

– Здравствуй, Голос, – обратился этот «Лев Толстой» ко мне с добродушной улыбкой.

– Здравствуйте, мистер Sandman, но почему «голос»? – мне было непонятно, отчего не обратиться ко мне по имени, которое, они наверняка знают.

– Просто потому, что тут нет имён. Я и сам, разумеется, никакой не Mr. Sandman, что за глупости. Каждый раз наша хостес зачем-то придумывает для меня новое имя. Наверное, ей нравится, когда меня называют то «тов. генсек», то «майн фюрер», то теперь вот Mr. Sandman. А, может быть, она так просто вам помогает, чтобы новичкам легче было разговор начать с человеком, к которому знаешь, как обратиться.

– Понятно. Но кто вы тогда? И, самое главное, кто теперь я? Почему Голос? – вопросов у меня становилось всё больше с каждой секундой.

– Я, если тебе так будет понятней, Распределяющая Шляпа. Я решаю, чем ты будешь заниматься в ближайшее время. Человек, попавший сюда, может остаться простым жителем нашего города и обрести покой. Кто-то вернётся обратно в Мир, чтобы начать новую жизнь и исправить свои прошлые ошибки. Некоторые, как ты, например, становятся Голосами, которые помогают людям на Земле жить и делать мир лучше, поддерживая его шаткую гармонию плодами своего творчества.

Глава 4. Курс молодого бойца

Сказать, что я немного подвис от такого разговора, – значит, ничего не сказать. У меня в голове роились мысли и вопросы, которые никак не хотели формироваться во что-то связанное и внятное, поэтому какое-то время я просто молчал, смотрел на своего собеседника и выглядел наверняка как полный остопоп. Испугавшись того, что такого тугодума ни в какие Голоса не возьмут, а передумают и отправят на Землю жить новую жизнь, я собрал остатки своего разума в кулак и продолжил разговор.

– То есть вы хотите сказать, что все творческие люди просто ретранслируют, например, на бумагу то, что им вещают отсюда? – Я понимал всю масштабность и, как мне тогда казалось, катастрофичность и несправедливость такой ситуации.

– Не совсем. Голоса не диктуют каждое слово или ноту человеку, они просто направляют его мысли в нужное русло, что-то подсказывают, нашептывают, напевают, а дальше каждый принимает решение сам – прислушаться к своему внутреннему «я» (как это называют люди) или заставить его замолчать. Те, вторые, кто предпочитает оставаться глухим к нашим Голосам, так и продолжают строить из себя работников почты или бухгалтеров, например, а кто-то бросает всё и садится за свой первый роман, который, при определенной доле везения и мастерстве Голоса, всколыхнёт мир.

– Непонятно. Если вы, то есть мы, можем стать внутренним голосом человека, почему нельзя дожать, убедить его в том, что нужно становиться творцом, а не сидеть и дальше за конторкой? – я с ужасом прикидывал, сколько же, на самом деле, на Земле людей, занятых не своим делом.

– А тут всё зависит только от тебя. Точнее, от таких, как ты теперь. От Голосов. Если Голос сильный, уверенный и настойчивый, если он хочет повести своего подопечного вперёд и быть с ним до самого конца – всё у него будет. Ты пойми, что и я, и вы, Голоса, мы все не боги и не волшебники, мы такие же – в прошлом – люди. Конечно, Голосами становятся далеко не все, на этот счет у нас тут свои критерии отбора, но всё равно сочетание упёртости и зажатости человека и недостаточного желания Голоса бороться за результат очень часто приводит к тому, что мы вместо нового Керуака получаем ещё одного недовольного жизнью обывателя.

– А если один Голос не справился, то всё, на человеке ставят крест, условно говоря, и больше ему творцом не стать? – Мне стало очень обидно за тех, чей Голос-наставник оказался слабаком и не довёл своё дело до конца.

– Ну, нет, это было слишком просто и расточительно – талантами земными разбрасываться из-за ошибки Голоса. Ты же, наверное, и по себе должен помнить, как то самое «вдохновение» куда-то пропадает, а потом снова возвращается. Но после его возвращения хочется писать что-то совсем другое. Было? – Песочный Лев Толстой прищурился.

– Было. Так это что было? Пересменка Голосов? – Кажется, я начинал понимать, что к чему.

– Можно сказать и так. Когда один Голос не справился, не смог раздуть в человеке пламя из его искры, бросил всё на полпути, тогда мы начинаем искать для него кого-то понастойчивее, по сильнее, чтоб громче и четче мог зазвучать в человеческой голове. Иногда на это уходит земная неделя, иногда месяц, а иногда и годы.

– И что, всегда находится более полезная для человека замена?

– Не всегда. В таких случаях мы собираем целую комиссию, да-да, не смейся, прямо заседание присяжных целое, и решаем, как быть. В каких-то случаях понимаем, что нужно попробовать послать Голос совсем из другой области, тогда, например, музыкант начинает внезапно писать картины, а поэт переходит на прозу. А иногда, к моему великому сожалению, мы осознаём, что уже все ресурсы исчерпаны и пора человеку из роли творца перейти в состояние

рядового обывателя. И ездят потом такие лишенные Голоса творцы с гастрольями лет тридцать пять подряд, исполняя одни и те же свои суперхиты, написанные много лет назад, когда они ещё слышали Голос – печальное зрелище. Но их тоже нужно понять – пока у тебя есть тело, оно требует еды, воды, крова и тепла. Правда, сейчас у большинства «звёзд» все эти простые вещи приобрели несколько извращенные формы, требующие миллионы долларов ежегодно, ну да ладно, это уже нас не касается.

– И что, каждому человеку на Земле назначается свой Голос? – Мне показалось, что миллиарды наставников – это как-то чересчур масштабно.

– Конечно, нет, иначе мир бы рухнул, лишившись поддержки крепко стоящих на ногах и рационально мыслящих людей. Что ни говори, а отдавать весь мир в руки творческих личностей нельзя – кто-то же должен и продовольствием всех обеспечивать, и за порядком следить, и лечить окружающих. Одними картинками, музыкой да книжками сыт не будешь. Да и многие люди просто не хотят свой Голос слышать. И если мы видим, что разжигать там почти нечего изначально, к тому же сам человек «не настроен на сотрудничество», то и не тратим время зря.

– И что я теперь должен буду делать? – Я понимал, что раз меня назначили Голосом, то просто отсидеться где-то уже не выйдет.

– Писать. Как и раньше. Только теперь чужими руками. На Земле ты записывал то, на что тебя наталкивал наставник, а сейчас уже твой подопечный будет писать то, что ему расскажешь ты сам.

– И всё? – Мне показалось, что так просто ничего не бывает.

– Не совсем. Конечно, придётся ещё иногда играть роль его, если тебе так будет понятнее, подсознания, ангела-хранителя, внутреннего голоса, чтобы твой человек вообще встал на нужную дорожку. Ты же и сам помнишь, как в том мире непросто решиться стать писателем. Вот ты и должен будешь сначала направить его в это русло, а уже потом помочь написать то, что не успел написать ты сам. Чем-то похоже на реализацию родителей через детей, не находишь? – И Mr. Sandman впервые с момента нашей встречи широко улыбнулся.

Глава 5. Выходной

Закрепление за мной подопечного было назначено на завтра. Остаток же сегодняшнего дня я мог посвятить знакомству с новым миром, с городом, со своим домом. Хоть Mr. Sandman и утверждал, что мы все и не боги, и не волшебники, но и абсолютно нормальным то, что тут происходило, назвать тоже было нельзя. Так, например, я сразу после нашего с ним разговора точно знал, где находится мой дом и как до него дойти пешком, хотя, конечно же, мне об этом никто не говорил.

Выйдя из старой ратуши, я походкой туриста отправился на юг, в сторону, как мне казалось, своего дома. То ли от того, что теперь я был более внимателен, то ли оттого, что я никуда не спешил, а может быть, потому что я теперь стал, если так можно выразиться, «своим», мне на глаза стали попадаться другие обитатели моего нового места пребывания. Выглядели они, по большей части, как и полагается жителям маленького немецкого городка – в простой одежде, без каких-либо жабо или шляп с перьями. Люди как люди. Только чуть прозрачные, как и я.

Я пока точно не знал, как устроены самые простые бытовые моменты в этом городе. Ну, например, придется ли мне ходить в магазин? Нужно ли покупать лампочки для люстры? Есть ли тут вообще люстры, или свет появляется сам по себе безо всяких дополнительных приспособлений? Думая о таких вот глупостях, я буквально за пять минут дошел до своего дома. Как я понял, что это именно мой дом? Так и понял – проходил мимо очередного пряничного красавца, и меня как будто осенило – это же мой дом, чуть мимо не прошел!

Двухэтажный коттеджик с миниатюрным садиком и старинной деревянной дверью, украшенной клёпками и металлическими рейками-лентами, был чист, светел и в нем не хватало только одного – хозяина, меня то есть. Заходя в дом, я мысленно представлял себе обычное жилище, к каким привык в пору своего земного этапа жизни: шкафы, посудомойка, плита с духовкой, ТВ на полстены. Да, я это представлял. Но не хотел. Поэтому, когда я оказался в просторной прихожей-гостиной, в глубине которой виднелись проходы еще в две комнаты, моему взгляду предстал огромный камин, выложенный плоским камнем, да пара английских кресел с высокой спинкой цвета ночного неба. Больше тут не было ничего.

Пройдя в дальний конец прихожей, я заглянул сначала в правую арку. Моему взору открылся небольшой кабинет или, скорее, библиотека с массой старинных книг на высоких, под самый потолок, стеллажах красного дерева. Стол и кресло у окна, камин поменьше, чем в прихожей, напротив камина – кожаный диван тёмно-вишневого цвета. Левая же арка привела меня в спальню – ничего сверхъестественного: окно, кровать, какая-то странная, но притягивающая взгляд картина у изголовья.

Я вернулся в кабинет и уселся на диван. Уютный домик. Для меня одного – в самый раз. Только, что показалось мне странным, не было ни кухни, ни уборной. Неужели тут удобства на улице, а кухня где-то на заднем дворе в сарайчике? И тут я вспомнил про второй этаж. Точно, видимо, всё это располагается там – странно, но не критично, надо пойти посмотреть.

Поднявшись на второй этаж по отличной, широкой и крепкой лестнице я был несколько ошарашен увиденной картиной. Весь второй этаж представлял собой одну огромную комнату мансардного типа. У небольшого окна стоял на треноге телескоп начала XX века от Джона Брашера, отлитый словно из золота. В другом же конце комнаты виднелись стеллажи с пластинками, стойка с проигрывателем и колонками да точно такая же пара кресел, как и в гостиной.

Пройдя через пространство комнаты, я уселся в одно из кресел и попробовал осмыслить, что же всё это значит. И как мне кажется, пришел к единственно верному выводу. Как бы странно это ни звучало, но я теперь – бестелесный дух, мне уже просто не нужны столовые и ваннные комнаты, а всё остальное в доме – инструменты, необходимые именно мне для сохра-

нения душевного покоя, равновесия и поддержания некой творческой активности, которой мне предстоит заниматься теперь следующие п-цать лет, веков или тысячелетий.

После такого открытия мне стало гораздо легче. Всё-таки не каждый день умираешь и становишься неким Голосом в городе, где живут не боги, по их собственному утверждению, которые способны управлять всем творчеством людей на Земле. Кухню жалко, конечно, поесть я всегда любил, ну да ладно, переживу. Я уже вообще всё пережил, в некотором смысле.

Все эти мысли и откровения каким-то странным образом истожили меня, и захотелось банально поспать. Спальня была на первом этаже, значит, Голосам спать не противопоказано. Немного странно, конечно, но, думаю, что нет ничего неправильного и противоестественного в том, чтобы и таким существам, как я сейчас, перезагружаться время от времени или, что звучит более убедительно, уходить в состояние полного покоя для накопления энергии. Я и ушел. На первый этаж, в спальню, чтобы накопить немного энергии космоса для дальнейших свершений.

Глава 6. Валян

– Валян, мать твою растак! Куда ты её тащишь, сказано ж было, во второй цех неси! – Бригадир Олег Палыч был, говоря литературным языком, крайне раздосадован нерасторопностью и неопытностью своего нового сотрудника – студента педвуза Валентина Васильевича Крылова.

Валентин, а для всего остального мира просто Валя или Валян, худощавый юноша девятнадцати лет, пришел на завод не от хорошей жизни. Денег не то чтобы не хватало... Их просто не было. Совсем. Те крохи, которые принято называть стипендией, уходили на какие-то мелкие бытовые нужды вроде шампуня, лезвий для бритвы и дешевого растворимого кофе в банке. А еще нужно было есть, хотя бы раз-два в день. И одеваться тоже нужно было, особенно зимой, когда температура в не самом северном городе – Борисоглебске – все равно вплотную приближалась к пятнадцати градусам мороза.

Вот и вынужден был Валя подрабатывать. Студенты – исконно русские подработчики в любой сфере деятельности человека: на стройке, в магазинах, на разгрузке чего угодно и во всех прочих, не самых престижных областях народного хозяйства. Сначала Валентин с друзьями, такими же будущими учителями математики и информатики, шабашили – то забор кому-нибудь помогут поставить, то выгребную яму для уличного туалета выроют, то фуру металлочерепицы или труб разгрузят.

И вот однажды, при разгрузке очередных ржавых труб, постоянный заказчик Олег Палыч предложил Вале и одному из его товарищей войти в коллектив, так сказать, на правах полноправных его членов. И парни, покурив и посоветовавшись тут же за углом, приняли судьбоносное для всех решение и в один момент превратились в настоящих пролетариев, став работниками трубопрокатного завода.

В этот же вечер было принято еще одно важнейшее решение – потратить заработанные на разгрузке труб деньги на вечеринку (попойку, если называть вещи своими именами) по случаю приобретения нового статуса рабочего человека. Потому что подработка, шабашка – это одно, а вот стать членом трудового коллектива – это уже что-то совсем другое, более важное, ответственное, взрослое.

Надо ли говорить, что в эту ночь были пропиты не только деньги, полученные от Олега Палыча, но и все имеющиеся у соседей по этажу в общаге мелкие закладки. Такой прилив денежных средств привёл, как и следовало ожидать, к тяжелейшему похмелью, выбитому в туалете окну и выстраиванию батареи пустых пивных и водочных бутылок в коридоре третьего этажа.

Эта величественная конструкция и послужила последней каплей, переполнившей чашу терпения коменданта общежития, который уже давно искал повод удалить Валу и его товарищей с вверенной ему территории общежития БГПИ. Пришлось новоиспеченным труженикам металлургической промышленности срочно искать квартиру.

Как и следовало ожидать, квартиру без оплаты хотя бы за месяц вперед никто двум похмельного вида юнцам сдать не решился, зато какой-то подозрительного вида дед без лишних вопросов (и документов, подтверждающих право собственности) сдал парням ещё дореволюционный домишко напротив кладбища. Как дом ещё не рухнул – была загадка неразрешимая, но выбирать особо было не из чего, и Валя с товарищем нехотя, но все же стали ответственными квартиросъемщиками.

Глава 7. Назначение

– Ну и как он тебе? – спрашивает меня мистер Песочный человек, отрывая взгляд от поверхности своего круглого стола, которая только что была чем-то вроде экрана, на котором мы с ним наблюдали за этим эпичным эпизодом из жизни Вали.

– Парень как парень, молодец, что работает, а не на родительской шее сидит, только я-то ему зачем? Чтобы направлять его с утра пораньше в ларёк за опохмелом?

– Зря ты так. Мальчик хоть и молодой и буйный, а стихи пишет неплохие. Только не показывает никому, а то и вовсе выкидывает вместе с очередным обрывком бумаги, на котором их записал, – с какой-то печальной ноткой ответил мой старший товарищ.

Всё это было чистой правдой. Валя писал стихи давно и много. Писал в основном про несбывшееся и про разбитое девочкой Катей (вот так совпадение) сердце. Реже – про поля, леса и речку Сухая Чигла, которая протекала прямо около его родной станции Таловая. Стихи, особенно поначалу, грешили глагольными рифмами и избытком надуманных метафор, но никогда – подражанием кому-либо.

Валя для себя так решил – если уж писать стихи, то такие, какие еще никто не писал. А то, конечно, много ума не надо, чтобы рубить точно так же, как Маяковский, или переливчато звенеть, как Есенин. Вот стать новым Маяковским или Есениным, открыв что-то своё, новое – это да, это уровень, а копировать – будьте любезны – не интересно.

– Это меняет дело, конечно. Только я же не умею стихи писать. Рекламный текст, статейку про прошедшие выборы, да даже повесть какую-нибудь проходную – это пожалуйста. А стихи, тут явно нужен кто-то другой, – что и говорить, я был немного удивлён таким предложением.

– Похоже, ты слишком буквально воспринял вчера мои слова про задачи Голоса. Конечно, ты не должен диктовать своему подопечному каждую строчку его стихов и подсказывать рифмы – талантливый человек сам с этим справится. Твоё дело – говорить в нём о том, что он движется правильной дорогой, иногда подсказывать, о чём сейчас стоит написать, подбадривать как-то. А уж если что-то у него совсем застопорится – можно немножко и готового текста дать, закинуть буквально пару строк ему в голову, а дальше поэт, если он настоящий поэт, уже сам всё допишет.

– Всё равно не понимаю, неужели тут у вас нет поэтов, которым можно поручить этого парня?

– Шутишь? Мёртвых поэтов у нас тут сколько хочешь. От Гомера и Пушкина до Высоцкого и Кобейна. Но Валя, видите ли, не хочет быть ни на кого похожим. А дать ему голос, например, Есенина – значит превратить его стихи в прямое продолжение творчества Сергея Александровича. Да и ненадёжный народ эти поэты – быстро остывают, начинают скучать, Голос затихает, а как итог – наш земной подопечный страдает. Я думаю, с помощью прозаика, вроде тебя, мальчик сможет найти свой стиль в стихах. Странно звучит, но я долго думал на эту тему и пришел именно к такому решению проблемы.

– Вам виднее. Может быть, и правда белые стихи с ним писать начнём, или лирику в прозе, на худой конец. – Я не хотел показаться капризным новичком, раз старший коллега уверен в моей полезности именно этому парню – попробуем, я-то от этого точно ничего не потеряю, времени у меня теперь хоть отбавляй.

– Значит, согласен? – Мг. Sandman посмотрел на меня с хитрющим прищуром.

– Попытка не пытка, – легкомысленно выдал я, кивая.

Глава 8. Архив

Согласиться-то я согласился, но как действовать дальше – не представлял абсолютно, о чем честно и сказал.

– А что делать дальше? – просто спросил я.

– Хороший вопрос, парень, я уж думал, ты вдруг решил, что уже всё умеешь. – Мой наставник, похоже, был полностью доволен мной, собой и ходом событий в целом.

– Если бы...

– Не кисни, это абсолютно нормально – приступать к чему-то новому, совершенно не зная, с какой стороны к нему подойти. Так все по-настоящему важные открытия и делаются. А когда всё идет уже по накатанной – это скука и рутинка.

– Отлично, значит, будем учиться. – Я чувствовал себя примерно так же, как чувствует себя вчерашний школьник на первом занятии «Введение в специальность» моего родного вуза – жутко интересно, но ничего не понятно.

– Да, будем. Но не сразу. Обучить тебя каким-то чисто техническим тонкостям нового ремесла проще простого, и я это сделаю, через пару дней. Дело в том, что это ничего не изменит, пока ты не поймешь, с кем тебе придется работать.

– Что же мне делать эти два дня? – Я, уже настроенный на интересное обучение новым (возможно, почти магическим) премудростям, был немного расстроен таким поворотом.

– Иди домой, садись за стол и читай архив.

– Какой еще архив? Нет у меня дома никаких архивов, – я действительно не понимал, о чём он.

– Как маленький, честное слово. Ты не забыл, где находишься? Всё, что тебе понадобится, здесь всегда есть. Нужен архив – он окажется ровно там, где ты станешь его искать. А содержание его самое простое, если ты об этом, – подробное жизнеописание твоего нового подопечного.

– Всё, что понадобится, здесь всегда есть? Так просто? – опешил я.

– Ну да, а зачем нам тут самим себе трудности выдумывать? Тебе на Земле их мало было, что ли?

– Хватило, спасибо. Значит, если я захочу... – я не успел договорить, когда бородач начал весело смеяться – как школьница, ей-богу:

– Да заведи ты себе уже кухню и ванную и не страдай больше по этому поводу! – он всё еще заливался хохотом.

– Понял, наверное. Пойду я тогда? – я уже начал опасаться, не задохнулся бы Mr. Sandman от такого смеха.

– Иди-иди, вот еще только что: если надоест читать или захочется увидеть всё своими глазами – можешь просто положить нужный том архива на стол и посмотреть «кино», – смех куда-то испарился, мой наставник снова был спокоен, даже, как мне показалось, немного пафосно-серьезен.

Распрощавшись с мистером хохотушкой, я в легкой растерянности пошел домой. По дороге я думал о том, как же всё-таки здесь всё устроено. В принципе, ничего такого, чего бы я не мог осмыслить, мне пока не встречалось. Ну, Голоса-духи, ну, «город, которого нет», как пел Игорь Корнелюк.

Я же, если говорить привычным для нас языком, на небе, а тут и не такое бывает, наверное. Но, как ни крути, не каждый день с таким сталкиваешься. Хотя, похоже, теперь я буду с этим всем не то что сталкиваться каждый день, а это и будет моей жизнью на ближайшие... Годы? Века? Тысячелетия? Не знаю.

Город встречал меня, как и до этого, прекрасной погодой, уютом и красотой. Бродить по таким улочкам я готов часами, без перерывов на обед и выходных. Но, видимо, такая роскошь мне пока не по карману – уже через несколько минут я подошел к своему дому, который, как мне показалось, немного подрос в ширину.

Когда я вошел в прихожую, ответы нашли меня сразу. Теперь в доме стало на пару помещений больше – появился проход на кухню и дверь в ванную комнату. Что ж, неплохо. Вот бы и на Земле дачники, например, могли бы с такой же легкостью пристраивать к своим щитовым домикам туалеты и всякие прочие кухни-веранды.

Даже наличие кухни никак не отразилось на моём желании поесть – есть я всё так же не желал. Та же история была и с прочими желаниями естественного характера. Их не было. Ну и ладно, тоже мне, счастье – в сортир ходить. А раз больше делать мне было нечего – можно и поработать.

Пройдя в кабинет, я подошел к крайнему слева стеллажу с книгами, на верхней полке которого уже красовалась невесть откуда взявшаяся деревянная с золотом табличка «Архив». Чтобы прикинуть, как действовать дальше, я вытащил первый попавшийся на глаза том с числом XV на форзаце из середины второй полки и уселся с ним за стол. Что ж, побуду немного архивариусом, где наша не пропадала.

Глава 9. Том XV

Усевшись поудобнее, я раскрыл книгу и погрузился в чтение. Насколько я мог судить, передо мной было что-то вроде крайне объемистого романа, посвященного одному единственному герою – Валентину. Написан текст был живым, приятным языком, никаких канцелярских формулировок или деловых штампов не было – просто о-о-о-очень длинный роман-жизнеописание, что-то вроде десятитомного труда Ромена Роллана «Жан-Кристоф».

Поняв, что в выбранном мной томе речь идет о периоде, когда Вале было лет десять, я решил продолжить читать именно его, а не начинать с тома номер один, прикинув, что изучать, как Валя копается в песочнице и делает в детском саду поделки, – не самое увлекательное и полезное для меня занятие. Кстати, забегая вперед, скажу – сильно позже я мельком просмотрел и самые первые тома этого мегаромана, и в них действительно было подробнейшим образом отражено всё-всё про первые годы жизни героя, про его любимые погремушки, плюшевого зайца и боязнь пенки на молоке.

Итак, Вале десять лет. Зима. Отец-дальнобойщик в рейсе, мать – в ночную смену в больнице. Дома только Валя и его старшая (года на два) сестра.

– Валя, есть будешь?

– Буду, а что там у нас? – спрашивает он, не отрываясь от двухтомника «Граф Монте-Кристо» 1983 года (коричневый такой, издательства «Правда», у меня самого дома были эти книги когда-то).

– Яичницу могу сделать, больше нет ничего.

– Давай, пойдёт!

Обычная сцена из российской глубинки 1990-2000-х годов: родители вкалывают с утра до ночи, чтобы заработать хоть какие-то копейки, дети неотвратно и очень быстро взрослеют, зачастую не по собственной воле, а под влиянием обстоятельств и банального инстинкта самосохранения.

Необычным (ну, скажем так, не совсем обычным) в этой картине мне показалось то, что дети сидят не за монитором компьютера или перед ТВ, а читают. Что ни говори, а переведённый на экран мир книг становится сразу гораздо более тусклым и ограниченным, упираясь в восприятие книги режиссером киноленты.

Не знаю, как у других людей, но я всегда смотрю целое кино, когда читаю и, что самое интересное, когда пишу книгу. Непросто это точно описать, но если говорить просто – я, сидя с открытыми глазами, вижу полупрозрачные картинки, которые сменяют одна другую, следуя за развитием сюжета. Черты лица героев я могу разобрать не всегда, а вот интерьер, окружение, какие-то природные ландшафты вырисовываются всегда очень точно. Вот и скажите, зачем мне смотреть чужое кино по книге, которую я уже когда-то видел в своем воображении?

Потом я еще часа два без перерыва изучал XV том архива, понемногу привыкая к своему новому подопечному. То, что я видел сейчас, не могло мне дать ответа на какие-то глобальные вопросы о том, как сделать из Вали хорошего поэта, но зато я начинал понимать, откуда в нём вообще взялась любовь к книгам и чтению.

Насколько я смог заметить, большую часть времени (во всяком случае, зимой) дети были дома одни, по трём каналам на ТВ ничего особенно интересного не передавали, а библиотека в их доме была неплохая. Конечно, составлена она была в основном из тех книг, какие удалось достать родителям еще в советское время, но и тут были действительно великие произведения Жюль Верна, Майн Рида, Александра Дюма – прекрасный выбор для десятилетнего пацана.

Чтобы как-то отвлечься, а заодно и систематизировать, уложить по полочкам в голове, полученную информацию, я решил пройтись по городу не спеша, не ставя себе цели дойти куда-то конкретно. Именно такие прогулки всегда помогали мне перезагрузиться и прове-

сти анализ каких-либо данных или же обдумать сложившуюся ситуацию, когда я еще топтал ногами нашу грешную землю.

Глава 10. Город-сказка

Когда-то давно, ещё в бытность вполне себе живым любителем музыки, я помнил наизусть практически все тексты песен так называемого «русского рока» и прочих товарищей, которых периодически крутили по «Нашему радио» в начале 2000-х. В числе прочих мною была автоматически записана на жесткий диск в голове и композиция «Город» группы «Танцы минус»:

Иду навстречу цветным витринам,
Мимо пролетают дорогие лимузины,
В них женщины проносятся с горящими глазами,
Холодными сердцами, золотыми волосами.
Город-сказка, город-мечта,
Попадая в его сети, пропадаешь навсегда,
Глотая его воздух простуд и сквозняков
С запахом бензина и дорогих духов.

Думаю, всем любителям часами бродить по городу знакомо ощущение, переданное в этой песне. Посещало оно не раз и меня. Каково же было моё удивление, когда, выйдя на вечерние улицы своего нового пристанища, я вновь ощутил то самое «попадая в его сети, пропадаешь навсегда». Похоже, значение фразы «город-сказка, город-мечта» я вообще смог правильно понять только сейчас, здесь, в выдуманном мной самим городе, который каким-то образом материализовался. Или это всё же мираж? Нет, на мираж не похоже – ведь я его не только вижу, но и могу потрогать.

Вечерний город утопал в аромате и красоте цветов мирабилиса, распускающихся после захода солнца. Конечно, тут не было никаких «дорогих лимузинов» и «запаха бензина», а по моим ощущениям, на улицах вообще царил XIX век максимум.

Витрины небольших лавок освещались не диодной подсветкой, а небольшими фонариками, в которых томились одинокие восковые свечи, улицы и переулки подсвечивались не высокими мачтами освещения, а небольшими, чуть выше человеческого роста газовыми фонарями-светильниками. Асфальта, конечно же, тоже нигде не было видно – только брусчатка и натуральный камень.

Я мысленно пожалел местных модниц, ежедневно подворачивающих свои лодыжки и ломающих на этих тротуарах каблук, и только потом вспомнил, что здесь уже никто и ничего не может себе подвернуть. Да и каблук бестелесным существам, летающим чуть выше поверхности, я думаю, совершенно без надобности.

Приятным, но немного удивительным для меня открытием сегодняшней прогулки было и то, что мой город жил какой-то своей жизнью и без моего участия – тут и там я замечал неторопливо проплывающих по улицам «людей», явно занятых своими делами, а не просто праздношатающихся, как я.

Выглядели они очень по-разному – кто-то однозначно был моим современником, одетым в джинсы и кофту с капюшоном, а кое-кто явно обитал здесь уже не одну сотню лет, судя по шпаге на боку и широкополой шляпе мушкетерского вида. Такой контраст и натолкнул меня на мысль о том, что даже если город и выглядит именно так только ради меня, то сами его жители ко мне и к моим желаниям никакого отношения не имеют и находятся тут для чего-то более важного.

Побродив без какой-то четко определенной цели по улицам около часа, я подумал, что хорошо бы найти какое-нибудь уютное местечко (кафе, бар, маленький ресторанчик), куда

можно было бы периодически заглядывать после трудов праведных, так сказать. В земной жизни у меня такого места отродясь не было, но это являлось, видимо, моей личной недоработкой, ведь в книгах и голливудских фильмах чётко показано, что такое место есть у всех мужчин моего возраста. Вот и мне пора им обзавестись.

Разумеется, долго искать это чудное место мне не пришлось – буквально за следующим же поворотом я заметил одноэтажное отдельно стоящее здание, украшенное выкованным солнцем – появившимся много веков назад символом таверны. «Значит, нам туда дорога», как пели когда-то братья Самойловы.

С трудом отворив деревянную дверь, сколоченную из нескольких очень толстых досок, я вошел в хорошо освещенный свечами небольшой зал таверны – люстра-подсвечник висела под потолком, на каждом из четырех столов также стояло по паре невысоких, но массивных свечей, а над барной стойкой висел целый ряд небольших фонариков. Пока я открывал дверь, мне подумалось вот о чём: интересно, а могу ли я проходить здесь сквозь двери и стены? Нужно будет попробовать в своём доме, чтобы не вторгнуться ненароком в чужое жилище и не напугать никого.

Как ни странно, но посетителей в баре не было. Только за стойкой протирал стаканы, поправлял бутылки позади себя мужчина лет шестидесяти (я имею в виду, что там, на Земле, ему бы было в районе шестидесяти лет). Нужно было как-то начинать разговор. И я начал, правда, не особенно оригинально, но всё же.

– Добрый вечер, – вот так незатейливо начал я.

– И вам доброго вечера, сэр, желаете чего-нибудь выпить? – мой собеседник говорил приятным голосом, который у земного вокалиста звался бы бас-баритон, параллельно как бы обводя рукой весь немалый ассортимент напитков у себя за спиной.

И тут я «завис». Это что же получается, я тут, можно сказать, на небесах, причем, пребывая в абсолютно бестелесном виде, могу выпивать? Интересные дела. Я немного подумал (не дольше десяти секунд, чтобы не затягивать паузу) и решил, что почему бы и нет, собственно? Да, на Земле я уже много лет совершенно не употреблял никакой алкоголь: ни «за праздник», ни «по глоточку», ни «за здоровье-то можно» – вообще никак. Но там было тело, которое от этого всего много лет страдало, а тут-то всё, нет его, родимого.

– Было бы здорово! Если можно – на ваш выбор, – ответил я, предвкушая почему-то что-то абсолютно волшебное.

– Вы останетесь довольны, сэр, – произнес бармен и повернулся к своей стеклянной стене из бутылочек, бутылок и бутылей.

Мой первый знакомец из новой жизни (не считая бородатого Mr. Sandman) оказался честным малым – я действительно остался доволен ароматным чем-то, которое немного обжигало глотку, уходя приятным теплом в желудок... которого у меня нет. И я не смог сдержаться и не задать волнующий меня вопрос:

– Простите, но как я и другие ваши посетители могут чувствовать вкус и аромат ваших напитков? Не подумайте, мне очень понравилось то, что вы для меня приготовили, просто это как-то странно.

– Новенький? С непривычки все немного теряются. А ваш наставник разве не объяснил, как тут у нас всё устроено в плане реализации желаний? – Хозяин таверны улыбался и смотрел прямо на меня обезоруживающе бесхитростным взглядом.

– Я не думал, что это касается даже вкуса коктейлей... – промямлил я.

– Это касается абсолютно всего, сэр. Вы захотели самый лучший из напитков, который когда-либо пробовали – я его приготовил, а вы смогли почувствовать его вкус и аромат. Только вот, боюсь, захмелеть у вас не получится – так уж тут заведено.

– Наверное, это правильно... Не хватало ещё, чтоб Голоса своим подопечным по пьяной лавочке чего-нибудь нашептывали. Представляю.

И мы рассмеялись вместе с Джем – так, как я выяснил позже, звали бармена. Или так его звали только для меня? А, неважно. Важно лишь то, что я отлично провёл вечер в компании отличного собеседника, который немного больше рассказал мне про город, про завсегдатаев его таверны да про напитки, которые они предпочитают. Попрощавшись со своим новым приятелем, я, совершенно довольный днём и собой, отправился домой, чтобы продолжить изучение Архива.

Кстати, как я выяснил, подойдя к своей двери и проведя задуманный ранее эксперимент, двери мне больше были без надобности.

Глава 11. Том XXV

Пройдя сквозь входную дверь, я никаких неприятных ощущений не испытал. Пожалуй, я не испытал вообще никаких ощущений. Сначала я очень близко перед собой увидел дверь, так что смог даже разглядеть текстуру дерева в мельчайших деталях, как при качественной макросъемке, а потом на долю секунды стало совсем ничего не видно, и вот я уже стою у себя в прихожей. Отличный фокус, жаль только, что здесь я им никого удивить не смогу.

Опираясь на свой прошлый опыт земной жизни, я понимал, что после прогулки мне должно захотеться чего-нибудь съесть. Но есть не хотелось, что, в общем-то, нормально, учитывая, что я теперь призрак. Но вот какая штука – я никак не могу перестроиться: каждый раз, когда что-то идёт вразрез с прошлыми (человеческими) привычками и ощущениями, мне приходится самому себе объяснять, что ситуация несколько изменилась, что надо привыкать жить по новым правилам.

Ладно, раз есть мне не хочется, а по городу я уже нагулялся – можно и поработать. Хотя, конечно, назвать «работой» увлекательное чтение (которое к тому же основано на реальных событиях) язык не поворачивался. Всем бы такую работу. Ну, тем лучше для меня. Заслужил, значит.

Теперь я решил пройти чуть дальше по временной шкале и выбрал том с красивым номером XXV. Ещё я решил немного «поиграть в Дамблдора», как я это про себя назвал, и попробовать самому запустить «экранизацию романа» вместо того, чтобы читать книгу. Я взял увесистый и зачем-то очень дорого оформленный фолиант в руки и повернулся к столу. Да, кстати, я, похоже, забыл рассказать, что взаимодействие с предметами здесь не вызывает никаких проблем, только, как мне показалось, чувствительность кожи почти отсутствует, но это и не удивительно, если принять во внимание отсутствие самой кожи.

Встав у стола, я просто положил книгу на его отполированную поверхность и открыл том на первой странице. Что происходило дальше, тяжело описать с позиции земной логики – книга словно растворилась в столе, став полупрозрачной, а вся столешница превратилась в широкоформатный экран высокого разрешения, если хотите. Единственным неудобством такой технологии было то, что для удобного просмотра «киношки» нужно было стоять, нависая над столом – сидя картинка была какая-то вытянутая и плоская, что ли. Думаю, если вы положите на свой стол обычный современный LED-телевизор, а сами сядете в кресло перед ним, вы сразу поймёте, о чём я говорю.

Я сосредоточился на изображении и приготовился внимательно смотреть и слушать. Начинался «фильм» с довольно показательного момента – Валя праздновал с товарищами свой четырнадцатый день рождения. На первый взгляд, ничего необычного не происходило. Восемь молодых людей примерно одного возраста сидели на обычной постсоветской кухне, которая всем своим видом давала понять, что всё, что нужно ей для полного счастья, – ремонт, пусть даже косметический. На столе из закусок, если тут вообще применимо это понятие, были самые простые чипсы от местной фабрики (во всяком случае, в Москве я таких не видел), огромная банка домашних солёных огурцов и какая-то колбаса, уже заботливо кем-то нарезанная и уложенная на белый хлеб.

Зато с напитками, которые планировалось закусывать всем вышеперечисленным, проблем не было. Господствовал, вполне ожидаемо, самогон. Но при внимательном взгляде можно было увидеть и более лёгких представителей алкогольного мира: домашняя настойка красного цвета в бутылке из-под водки и «Жигулёвское», стоящее небольшими стайками тут и там. Судя по всему, мероприятие уже длилось какое-то время – чипсы были открыты, часть пивных бутылок опустошена, самогон и настойка початы.

Валя сидел на кухонном уголке, обтянутом дерматином, и спорил со своим товарищем о преимуществах какой-то новой видеокарты, которую, как мы понимаем, ни он, ни его товарищ не смогут себе позволить ещё как минимум несколько лет. Однако как тема для традиционной русской кухонной беседы – почему бы и нет. Остальные гости были заняты или аналогичными спорами, или приставаниями к подругам (юноши) и, соответственно, отбиванием этих приставаний (девушки). Классическая школьная вечеринка тех лет. Меня аж ностальгическая волна захлестнула, пока я разглядывал всю эту картину.

Когда накал страстей вокруг видеокарты чуть поутих и спорщики вышли из-за стола (видимо, кто-то решил пойти покурить), я заметил, как наш герой, подперев плечом дверной косяк, украдкой посматривает на довольно симпатичную девушку, сидящую на табурете спиной к столу и о чём-то беседующую со своей подругой. Не знаю, как окружающим Валу ребятам, но мне (в силу возраста, возможно) сразу стало всё ясно – «это любовь, с ней рядом Амур крыльями машет», как описал это чувство незабвенный Ляпис Трубецкой. Думаю, Валентин ждал подходящего момента, когда собеседница объекта его страсти отлучится в уборную или ещё куда, чтобы можно было занять невзначай её место и завести разговор.

И такой момент настал – что-то сказав своей подруге и указав пальцем на дверь, одна из девиц встала и вышла из кухни. Я посмотрел на Валу – он был явно взволнован, но полон решительности, когда сделал первый шаг по направлению к столу. Скажу честно – я и сам переживал теперь не меньше, чем мой подопечный, ведь, согласитесь, быть отвергнутым в четырнадцать лет, да ещё и в день своего рождения – врагу не пожелаешь.

Валя оказался парнем с головой: заметив, что у оставшейся сидеть девушки опустел её бокал (я употребил это слово исключительно для создания некоего ощущения праздника, на самом же деле опустел у неё самый дешёвый тонкостенный пластиковый стаканчик), он прихватил с другого конца стола бутылку настойки и приблизился к даме сердца под благовидным предлогом – молодец парень!

– Катя, я смотрю, у тебя вино кончилось, давай подолью. – Валя держался молодцом, хотя было видно, что слова даются ему с трудом.

– Спасибо, Валь, только не полный, – ответила девица, слегка улыбнувшись, и протянула стакан, подставляя его под наклонённую Вaley бутылку.

– Конечно, чисто символически, – скороговоркой выдал именинник, чтобы у девушки даже мысли не было о его истинных намерениях. Налил он при этом, конечно же, почти до краёв.

Дальнейшая их беседа, как я и ожидал, была не очень интересна, информативна и интеллектуальна – нормальный трёп четырнадцатилетних подростков. Катя рассказывала о том, как Светка, которая сейчас с ней болтала, пошла якобы подышать на крыльцо, а сама хочет «замутить» (отвратное словечко, всегда его не любил) с Серёгой, который там сейчас с пацанами курит. И т. д. и т. п. Ничего важного. Хотя Валентин слушал каждое слово своей собеседницы так внимательно и с такой заинтересованностью, что у девушки точно должно было сложиться впечатление, что она вещает о действительно важных вещах. Насколько я помню, в четырнадцать лет это прямой путь в ту самую френдзону. Но Валя пока ещё, видимо, этого не понимал.

Я понаблюдал за праздником еще немного, краем глаза замечая, как книга сама, без моей помощи, перелистывает лист за листом. Поняв, что пока ничего важного не происходит, я «перемотал» немного вперёд (для этого нужно просто перелистнуть несколько страниц сразу) и оказался вместе с Вaley и его подругой перед её домом, похоже, наш герой вызвался проводить Катерину после завершения посиделок.

Скажу сразу – ничего важного для Валентина не произошло, сцены милого прощания с поцелуем хотя бы в щёку не случилось – Катя просто помахала своему провожатому ручкой и скрылась за зелёной калиткой. Ну, хоть так. Боюсь, если бы Валя полез целоваться – его праздничное настроение быстро бы подпортили отказом, возможно, даже в грубой форме.

А так – не было и не было. Есть о чём думать и мечтать дальше – чего ещё нужно для полного счастья.

Подняв книгу со стола и остановив таким образом импровизированный кинопоказ, я отправился на второй этаж, где прослушал обе стороны альбома «Let It Be» группы The Beatles, размышляя о крайне своеобразных сложностях и превратностях судьбы, когда тебе всего четырнадцать лет.

Глава 12. Из неизданного

После столь ностальгического погружения в мир четырнадцатилетних мне долго ещё не хотелось спать. Строго говоря, теперь же я мог позволить себе не спать вообще, ведь физически уставать у меня было просто нечему. Но, по моим ощущениям, сон здесь был всё же нужен, но больше для того, чтобы «переспать» со своими мыслями, обдумать их где-то глубоко в закоулках сознания и наутро проснуться чуть более мудрым и опытным собой.

Я, собственно, так и поступил – лёг спать с мыслями об увиденном, а проснулся уже с чуть более ясным, чем вчера, пониманием мыслей и переживаний Валентина, словно во сне мне удалось побывать в его шкуре. Шутки шутками, но я бы не удивился, что именно так оно и было. Надо будет спросить у бородача, практикуется ли тут что-то подобное.

Памятуя о том, что уже на завтра у меня назначена встреча с мистером Песочным человеком, в ходе которой он должен уже наконец-то показать мне на практике, как же мне начать звучать в Валиной голове тем самым Голосом, я решил постараться сегодня узнать как можно больше о жизни своего подопечного, не отвлекаясь на прогулки и прочую ерунду.

Скажу честно, после пролистывания ещё пары томов я понял, что просто так наугад читать все подряд тома архива мне очень не хочется, ведь большая его часть не несёт никакой полезной нагрузки. Живет себе человек, в школу ходит, с друзьями встречается, с сестрой ссорится по мелочам, родителей не слушает – всё как положено, но не информативно, к сожалению. Вот бы мне какой-нибудь предметный указатель, что ли, или краткое содержание с отметками, где в полном варианте искать то или иное событие.

Мечтая о таком нововведении в организации архива, я водил указательным пальцем по корешкам томов, стоящих передо мной на полках, думая, какой бы их них вытащить на этот раз. И вот, когда я дошел до последней книги со знаковым номером XXX на форзаце, я заметил, что она теперь и не последняя вовсе. Правее тома «три икса» стояла ещё одна книга, без какого-либо номера, зато с говорящим названием «Таблицы соответствия дат и событий». «Мысли материальны», – подумал я. И это прекрасно!

Не раздумывая, я достал именно этот том, который был ничуть не тоньше прочих – похоже, при его составлении неведомые авторы оставались верны своему скрупулёзному подходу, не забывая ни о каких мелких, по мнению стороннего наблюдателя вроде меня, деталях. Открыв книгу на пятидесятой странице, я с удивлением обнаружил, что она повествует только о восьмом годе жизни Валентина. Понял я это очень просто – взгляд мой упал на строку «Валя празднует свой 8-й день рождения».

Выглядела таблица, которая растянулась на несколько сотен страниц, очень лаконично и включала в себя всего три столбца: «Событие», «Номер тома», «Номер страницы в указанном томе». «Краткость – сестра таланта», – сейчас я был на сто процентов согласен с этой сомнительной формулировкой.

Теперь я мог путешествовать по страницам жизни Валентина с невероятной быстротой. Захотел увидеть его выпускной в девятом классе – нашел в таблице, посмотрел номер тома и страницу, достал нужную книгу с полки, раскрыл, где нужно и посмотрел, как нашего практически бесчувственного героя тянут двое старших товарищей под руки из леса, где и происходил сам праздник.

И я решил, что именно так я и буду действовать дальше. Может быть, я не слишком усидчивый и трудолюбивый Голос, зато умеющий оптимизировать рабочие процессы и старающийся охватить максимальный объем ВАЖНОЙ информации в отведенной время, а не тратящий сотни часов на чтение всякой банальщины.

Чтобы не упустить ничего важного, я решил поступить так: сначала выписать на листок все те события, которые хотелось бы изучить в обязательном порядке, а после внимательно

пролистать содержание таблиц примерно в эти же временные периоды, чтобы выудить ещё что-нибудь стоящее. Составление списка заняло не меньше получаса, и вот что получилось в итоге:

- Дни рождения 15—18 лет.
- «Новый год» 2012—2017.
- Крупные ссоры с родителями.
- Уход из дома в шестнадцать.
- Первые стихи.
- События, предшествующие им.
- Первые успехи у противоположного пола.
- Катя. Всё, где она упоминается.
- Первые хорошие стихи.
- Выпускной в одиннадцатом классе.
- Предательство.
- Выбор профессии.
- Работа/отношения с коллегами.

И это был только черновой список того, что нужно было посмотреть обязательно. Похоже, сегодня спать мне не придётся. Впрочем, невелика потеря. Я и в бытность свою человеком, не раздумывая, отказывался ото сна, если нужно было сделать что-то важное, как мне тогда казалось. По этому поводу у меня даже присказка любимая была: «Отоспимся в гробах». Выходит, она была не очень-то и точна.

По большому счёту, я и без всякого чтения прекрасно понимал, как будут выглядеть некоторые из пунктов этого списка. Например, события, предшествующие первым стихам, наверняка были связаны с девушками. Вопрос был только в том, какой знак они несли в себе с точки зрения Вали – «плюс» или «минус», «любит»/«не любит», соответственно. Думаю, чаще это был «минус», конечно же, достаточно вспомнить лучшую лирику того же Есенина и не останется никаких вопросов, в каком настроении он писал, например:

Жизнь – обман с чарующей тоскою,
Оттого так и сильна она,
Что своею грубою рукою
Роковые пишет письма.

Я всегда, когда глаза закрою,
Говорю: «Лишь сердце потревожь,
Жизнь – обман, но и она порою
Украшает радостями ложь».

Хотя, как ни старайся понять другого человека, всегда нужно помнить о том, что «чужая душа – потёмки». Руководствуясь именно этой аксиомой, я решил не придумывать ничего за Валу, а внимательно и вдумчиво всё изучить по книгам из архива. Начать я решил с первых стихов, конечно же.

Как я и надеялся, в «Таблицах...» была строка, обозначенная именно так – «Первое стихотворение». Судя по номеру тома, в котором про него было сказано, Валя не был каким-то доморощенным поэтом-вундеркиндом, которые начинают творить ещё до того, как научатся читать и писать, а первый свой литературный труд создал в неполные четырнадцать лет. И мне кажется, я даже догадываюсь, для кого или, вернее сказать, из-за кого, появились эти два четверостишья:

Раскрой, перешей, перештопай слова мои заново,

Потроши, словно курицу черную на Рождество,
А потом жерновами пытайся в муку перемалывать,
Не получится – что с того.

Соглашусь добровольно со всеми твоими заветами,
Назубок заучу и в подкорку забью молотком,
Я не буду ругаться, скандалить, бессмысленно сетовать,
Не получится – что с того.

Что тут скажешь – мальчишка был, без сомнения, талантлив. Я в четырнадцать лет такого написать не сумел бы. Меня охватило непреодолимое желание прочитать все его стихи, но, к сожалению, готового сборника пока не существовало. К тому же, если верить моему бородатому товарищу, парень большую часть своих работ вообще уничтожает сразу после написания – ужасное расточительство.

Думая обо всем этом, во мне всё с большей силой просыпалось желание взяться за Валентина по полной программе, как говорится. Ишь, чего выдумал – такие стихи жечь и не показывать никому. Интересно, а здесь работает утверждение Михаила Афанасьевича о том, что «рукописи не горят»?

Глава 13. Пост принял

Как и следовало ожидать, найти ответы на все интересующие меня вопросы о прошлом Валентина за столько короткий срок у меня не вышло. Даже бессонная ночь не спасла – хотелось внимательно изучить каждый сюжет, поэтому, судя по всему, придётся мне дочитывать историю своего подопечного прямо в процессе работы над его будущим.

Солнце встало сегодня как-то особенно рано, во всяком случае, мне так показалось, и сразу, прямо с момента появления, светило на все сто процентов своей мощностью. А может, и на сто пять – свет проникал во все переулки, дворы и сады моего тихого вымышленного городка. Дорога до ратуши сегодня заняла на пару минут больше, чем обычно – я умышленно петлял по улочкам, растягивая удовольствие утренней прогулки в тишине и одиночестве.

– Да это же наш мистер архивариус! Доброго утра, проходи! – с улыбкой крикнул мне Mr. Sandman, стоявший в центре холла первого этажа и заметивший, как я, предварительно стукнув пару раз, приоткрыл входную дверь и правой половиной лица заглянул в образовавшуюся щель.

Не подумайте, что я забыл, что теперь могу запросто проходить сквозь любые двери, просто мне кажется, что без предупреждения появляться в чужом доме, просунув голову сквозь стену или дверь – не очень вежливо. Мало ли, вдруг хозяин еще умывается или расчесывает свою бороду перед зеркалом, а тут я – некрасиво, как ни крути.

– Здравствуйте! Ничего, что я так рано? – Мы не договаривались на конкретное время, поэтому я и решил отправиться в ратушу, как только солнце заступило на свой пост.

– Без проблем. У нас здесь, как ты и сам уже понял, сон – не самое востребованное времяпрепровождение. Так что ты меня не разбудил, если речь об этом.

Кивнув в ответ, я просто стоял, оглядываясь по сторонам и ждал, что последует дальше. Мне казалось, что теперь должен будет начаться некий ритуал прикрепления меня к Валентину. Понятное дело, что танцев вокруг костра или заклинаний не будет, это я уже для себя уяснил, но всё равно, должны же мы хоть как-то обозначить, что теперь именно я становлюсь Голосом Вали.

– Что ты думаешь о Валентине после изучения архива? – Мой бородатый наставник не спешил приступать к священнодействию.

– Стихи красивые пишет, честный, тяги к деньгам и славе не питает, как мне показалось.

– Точно. Это его и тормозит. Понятное дело, как представитель «высших сил», я должен сказать, что вот, мол, какой молодец парень, не поддается искушениям, живёт бедно, зато по совести, но у нас тут с тобой совсем иная задача – дать Миру возможность узнать о его стихах. И вот тут-то и возникает самая непростая для нас дилемма – как в современном земном Мире сделать творчество одного конкретного человека популярным, при этом не заставляя его «переходить черту», – Mr. Sandman проговорил это с очень серьезным и сосредоточенным видом.

– Для этого личный Голос и нужен?

– В том числе. Кроме всего прочего, о чём я уже говорил, тебе нужно будет стараться держать баланс между его скромностью и гордыней, честностью и притворством, любовью к ближнему и желанием стать первым. И да, иногда те самые «общечеловеческие ценности и нормы морали» всё же придётся отодвигать на второй, а может быть, и на третий план. Без этого никуда, к сожалению. Главное, про них навсегда не забыть.

– Похоже, кроме творчества, у меня будет ещё масса забот, – теперь уже была моя очередь говорить с сосредоточенным видом.

– Точно. И, как мне кажется, тебе уже пора к этим заботам приступать.

– Да я готов, в принципе; только, скажу прямо, мне не хватило времени изучить весь архив – он просто огромный. Я пробовал пройти только по самым важным вехам, и то не успел, – признаться в этом сразу мне показалось лучшим из возможных вариантов.

– Конечно, ты не мог успеть всё. Да это и не требуется. Архив же никуда не пропадёт, он так и будет доступен тебе в любое время – захочешь уточнить что-то – читай, смотри, сколько влезет. Но, думаю, тебе он больше не понадобится. После того как ты официально станешь Голосом Валентина, пропадёт всякий смысл пользоваться книгами.

– Почему это ещё? Ведь я пока не изучил и половины его биографии. – Я не совсем понимал, что мне хочет сказать Песочный человек – то говорит, что архив останется в моём распоряжении, то что он мне больше не понадобится.

– У тебя в руках будет гораздо более мощный инструмент – память самого Вали. Когда наставник становится внутренним Голосом человека, то, разумеется, получает доступ и к его самым потаённым и сокровенным уголкам памяти, впечатлениям и эмоциям. Без этого не будет работать вся схема.

– Вы хотите сказать, что я залезу прямо в его голову? – я не понимал, как такое вообще возможно.

– Можно сказать и так, но мне кажется, правильнее будет думать, что ты просто станешь частью этой его головы. Где-то внутри его мозга, конечно, в сознании, а не в черепной коробке в прямом смысле.

– Знаете, в теории всё это звучит очень красиво и волшебно, но как всё будет обстоять на самом-то деле? В рабочем режиме, если так можно выразиться, – поняв, что теории с меня уже хватит, я захотел перейти к конкретным действиям.

– Понял, тебе уже не терпится заступить на дежурство?

– Ну да. Как говорится, «пост сдал, пост принял». А то так, без практики, я никогда ничего не пойму.

– Хорошо. Рассказываю и показываю, как всё устроено.

И вот тут-то и началось всё это не волшебное волшебство. Хотя, может быть, стоит называть происходившее далее чем-то вроде «божьего промысла» или ещё чем-то, связанным с верой человечества в неких богов, не суть. А суть была в том, что Mr. Sandman сначала просто взял меня за руку и подвёл к столу, на котором тут же проявился Валентин, читавший что-то в своей комнате на диване, а потом сказал мне дотронуться рукой до головы юного читателя, которого показывали прямо на поверхности стола, что я и сделал.

После этого моего прикосновения – которого фактически-то и не было, ведь я просто дотронулся до какой-то картинки на столе, причём рукой, которой у меня физически нет; но тем не менее похоже, что этот метод был абсолютно точно рабочим – меня как током прошибло, а моё сознание совершенно естественным образом стало состоять из двух: моего собственного и Валиного. До ужаса просто и одновременно нелепо это звучит.

Боюсь, передать такую метаморфозу словами будет непросто. Я словно начал жить две жизни одновременно, причём более отчетливо видел ту из них, в которой сейчас сам хотел участвовать. Ну и, конечно же, жизнь своего подопечного я видел «камерой от третьего лица», а свою жизнь Голоса в небесном городе я видел нормально, глазами, как и раньше.

– Поначалу всем кажется это неудобным и странным, не переживай, скоро дискомфорт пройдёт и ты будешь ощущать себя совершенно естественно, – в голосе бородача слышались интонации окулиста, который уговаривает ребенка не снимать странные и пугающие его очки.

– Хорошо бы, а то как-то даже голова кружится, непонятно, куда смотреть, о чём думать и что делать вообще.

– Сейчас тебе лучше всего отправиться домой, сесть в любимое кресло и потихоньку, по маленькому шажочку, начать учиться жить за двоих одновременно. Уверю тебя, это возможно и не так уж и сложно, просто нужно время.

– Придётся мне вам поверить на слово, другого мне просто не остаётся, – выдавил я из себя и, кое-как передвигая ноги, поплёлся в сторону двери. Я пытался сосредоточиться именно на этом процессе, не отвлекаясь на Валины мысли, которые теперь звучали и у меня в голове: о том, что хочется выпить с друзьями пива, а денег в кармане нет ни копейки.

Глава 14. Пробуждение

Валя проснулся со странным ощущением, которое он очень любил, но которое не посещало его уже очень долго – он чувствовал ни с чем не сравнимое желание жить и творить. За окном, словно уже зная о сегодняшнем Валином настроении, велело светило весеннее солнышко, а птицы пересвистывались между собой какими-то особенно выразительными трелями – вселенская идиллия прямо.

На работу сегодня идти было не нужно – выходной. Редкий, но абсолютно заслуженный выходной, причем не испорченный ни похмельем, ни бедственным материальным положением. Объяснялось такое неправдоподобное для нынешней Валиной жизни состояние просто – сосед уехал на пару дней в родную деревню на свадьбу троюродной сестры («Святое дело, никак нельзя пропустить», – говорил он бригадиру), а зарплату за неделю выдали аккуратно вчера вечером в конце смены – не успел ещё даже в магазин за продуктами сходить.

Валяться в кровати Валентин не любил по причине непонимания самой сути такого времяпрепровождения. Непонимание это зародилось и окрепло в сознании по вполне понятной причине – в детстве, в деревне, валяться по утрам было некогда. Перед школой ни свет ни заря нужно было успеть помочь родителям, вечно пропадающим сутками на работе, по хозяйству – кроликов покормить, гусей выпустить, за поросятами убрать. После этого неплохо бы успеть и самому что-нибудь съесть, помыться, переодеться да в школу бегом. Сестра, конечно, тоже принимала участие во всех этих хозяйственных делах, но их было столько, что с головой хватало и ей, и Вале, и любому, кто захотел бы помочь. Беда была только в том, что таких доброжелателей не находилось.

Вспомнив с ужасом эти милые детали своего детства, Валя решил, что сегодняшний день он постарается провести максимально продуктивно, не тратя на всякие глупости, вроде компьютера и телевизора, ни минуты своего долгожданного выходного. Первым делом было необходимо составить список продуктов, которые нужно было купить. Понятное дело, что ничего «сверх программы» покупать не следует – ещё нужно же и на аренду их хором оставить. В итоге список был прекрасен своей лаконичностью:

– На базаре: картошка, морковка, лук, банка молока.

– В магазине: пиво, дошик, кетчуп, майонез, сосиски, хлеб.

Что ни говори, а иначе как «выбором истинного гурмана» этот перечень продуктов назвать было нельзя.

Выпив крепкого, но совершенно никакого кофе, Валя взял, не глядя и не пересчитывая, горстку пакетов, дожидавшихся своего звёздного часа в кухонном ящике, и отправился пополнять припасы.

Ходить по магазинам было неинтересно, выбирать какой-то определённый продукт из разнообразия его аналогов-конкурентов – долго и скучно, поэтому Валентин всегда действовал очень просто – брал всё только по списку и только, ориентируясь на жёлтые ценники, говорящие о том, что на этот конкретный товар в этом конкретном магазине сейчас действует невероятно выгодное спецпредложение. Не касалось это правило только одного – огненно-острого говяжьего «Доширака», который покупался в любом случае, невзирая на постоянный рост цен на любимый продукт всех трудяг и студентов. И студентов-трудяг, как в случае с нашим героем.

На рынке же Валентин чувствовал себя гораздо лучше – тут можно было и попробовать интересующий товар, и немного сбить цену, намекнув продавцу, что на улице, прямо за базаром, точно такая же картоха стоит на пять рублей дешевле. Враньё, конечно, но иногда срабатывает. Но больше всего уважал Валя местный рынок за молоко. Домашнее, жирное, такое же, какое он привык с детства пить дома и в деревне у бабушки. Поэтому молока покупалось всегда много – три литра минимум.

Ташить покупки обратно было крайне утомительно и неудобно. Молоко, овощи и пиво были и тяжелы, и объемисты, бутылки бились о банку, банка давила на пакетики с майонезом (маленькие такие, у которых надо уголок отрезать, чтобы полакомиться), хлеб превращался в бесформенный кусок запечённого теста. Кроме того, всё это нужно было еще минут двадцать нести до дома. Мысли про такси даже не возникало в силу привычного безденежья и заученной с детства фразы из любимого кинофильма: «Наши люди в булочную на такси не ездят». А Валя, разумеется, был «наш» человек. Поэтому, хоть мысленно и ругал свои примитивные животные потребности в еде и воде, но еженедельно носил сумки с провиантом от торговой площади к себе на окраину.

Придя домой и перекусив лучшим, что мог себе позволить, а именно пивом с жареными сосисками, политыми кетчунезом (смесью майонеза и кетчупа в строго определенной пропорции), Валентин снова ощутил то самое утреннее желание осчастливить всё человечество, создав что-то прекрасное. Что самое интересное – пока Валя был занят покупками, тасканием тяжестей и готовкой, ничего подобного он не ощущал, ему даже стало казаться, что утренние поползновения в эту сторону были просто непрошедшим до конца сном. Ан нет, вот оно, снова активизировалось. Значит, день сегодня такой, и надо попробовать «что-то сотворить» – так называл Валя свои занятия стихосложением.

Особых ритуалов, помогающих ему сконцентрироваться на создании очередного шедевра, у молодого поэта не было. Чаще всего Вале нужно было только выкроить десять минут тишины, что в студенческой общаге было сделать крайне непросто, и немного подумать над первой и второй строчкой, остальные, соответственно, третья и четвёртая, приходили уже сами собой, отталкиваясь от возможных рифм.

Вот и в этот раз нужно было организовать себе идеальную тишину. Валя закрыл все окна, задернул шторы, выключил мобильник, чтобы не возникало соблазна взять трубку или проверить, кто и что ему написал, и уселся за кухонный стол – единственное место в доме, где можно было с относительным комфортом заниматься бумажной работой. Окно кухни выходило напрямиком на кладбищенские кресты, и при желании можно было разглядеть даже некоторые фотокарточки на памятниках. Валу такое соседство не смущало, скорее, даже наоборот: умиротворяло и радовало – никто не орёт под окнами, как было в общежитии, машин нет, как и дорог вообще, да и «соседи» – самые тихие из возможных в нашем мире. Даже в дни церковных праздников, в которых молодой человек абсолютно не разбирался, живых людей под Валиным окном больше не становилось. Причин было две: во-первых, вход на кладбище был сильно в стороне, а, во-вторых, сами захоронения, которые наблюдал наш герой из окна, были очень старыми – некому уже было приходиться, чтобы почтить память лежащих здесь людей.

Любуясь оживающей весенней природой на фоне вечной тишины могил, Валя прокручивал в голове те самые первые две строки, меняя слова местами, подбирая синонимы, вышло вот что:

Я в тебе венами синими,
Ты во мне сердцем застывшим

Что-то не то, не строит, как говорят музыканты. Не в такт как-то. Может, так:

Я в тебе венами темными синими,
Ты во мне сердцем, застывшим от холода.

Этот вариант был принят внутренним Валиным цензором, и уже через пять минут на обычном тетрадном листке появились шестнадцать строк:

Ты во мне

Я в тебе венами темными синими,
Ты во мне сердцем, застывшим от холода;
Я в тебе громким сверкающим именем,
Ты в моей глотке засохшими водами.

Я на щеке расцветаю бутонами,
Ты под лопаткой острее железного;
Я недоношенными эмбрионами
Буду в тебе умирать безболезненно.

Я в тебя песню немую, бесстыжую,
Ты в меня тело горячее, томное;
Я в тебя чем-то до остова выжженным,
Ты в меня генами и хромосомами.

Я извлекаюсь из памяти медленно,
Ты наслаждаешься впрок рецидивами;
Я обездвиженный, мертвый, изъеденный —
Ты во мне.

Валя ликовал. Как же было приятно снова почувствовать эту волну, называемую людьми вдохновением, которая невесть откуда появляется, сметая и вымывая из сознания автора всё, что там было, оставляя после себя только несколько строчек стихов и такое приятное чувство удовлетворённости результатом.

Глава 15. Первый блин

После моего последнего визита в ратушу прошло уже два дня. Два дня, которые я провёл в мучительных попытках настроить своё сознание на абсолютно новое для него действие – управление двумя линиями событий одновременно. Задача усложнялась ещё и тем, что линии эти, как бы это поточнее сказать, не то что никогда не пересекаются, так и вовсе находятся в разных измерениях – одна там, в мире, в теле молодого человека по имени Валентин, другая здесь, где-то, по моим ощущениям, «на небесах».

Жить одновременно две жизни оказалось практически невозможно, мысли путались, неясно было, это я сейчас не хочу вставать на работу в шесть утра или кто-то другой. Выход нашёлся очевидный, но очень действенный – я каким-то образом смог смастерить в своей голове невидимый переключатель, который контролировал, какое из сознаний считать основным в данный момент. Для его активации нужно было расслабиться, сосредоточиться на желаемом в данную минуту месте обитания, и, собственно, всё. После такой манипуляции одна цепь событий выходит на первый план, вторая так же остаётся в зоне видимости, но как бы фоном, ненавязчиво, ожидая, пока ты в неё сам решишь вернуться или тебя не потревожит кто-то извне. Фон этот чем-то напоминает прослушивание музыки, пока ты занят каким-то другим делом – ты слышишь и мелодию, и слова, но не отвлекаешься на них.

Если бы мне не удалось выстроить этот мост/переключатель/разделитель, я бы, наверное, сошёл с ума, и бородачу пришлось бы искать для Вали новый Голос. Но мне очень не хотелось загреметь в местный аналог больницы им. Ганнушкина, поэтому я действительно старался и настраивался на новый образ мысли изо всех сил. В результате уже на утро третьего дня мне удалось переключиться на Валино сознание как раз за несколько минут до его пробуждения и вдохнуть в него немного больше жизни, энтузиазма, желания творить, чем обычно.

Со стороны, конечно, может показаться, что мы (Голоса и их наставники) действуем, прямо скажем, неполиткорректно, вмешиваясь без спроса в голову наших подопечных. Но, скажите мне на милость, господа присяжные заседатели, а разве не вся человеческая жизнь устроена так же? Разве не пытаются влезть, причем самыми наглыми способами, в сознания людей их учителя, политики, ведущие новостей, рупоры эпохи какие-нибудь, создатели различных трендов и векторов развития нашего общества и прочие советчики? Да каждый божий день они заняты именно этим. Только вот между ними и Голосами есть одно, но очень важное различие – мы делаем это абсолютно бескорыстно.

Самым странным, но одновременно и самым пьянящим в моём новом состоянии было ощущение безграничной власти. Вдумайтесь сами: я мог заставить человека делать всё, что мне могло прийти в голову. Но я не воспользовался этой своей возможностью, разумеется. Не воспользовался просто потому, что я уже не принадлежу к Миру людей, их страстей и сиюминутных желаний. Я прекрасно осознаю всю свою власть, но не хочу её применять ни для чего другого, кроме как для помощи самому Валентину, для приближения его души к состоянию гармонии и покоя. Как же хорошо, что человекам неведома такая сила. Бодливой корове бог рогов не даёт. И это правильно. Люди и без того умеют неплохо так портить жизнь друг другу.

Насколько я понял, чтобы быть Голосом, нужно просто хотеть им быть. Хотеть искренне, не ожидая похвалы и награды. И курсов никаких, вроде «Стань Голосом за восемь уроков онлайн», тоже быть не может. Необходимо просто понять, пропустив всё через себя, как твой «клиент» общается со Вселенной, с людьми, с самим собой. Это, пожалуй, самое сложное в работе Голоса. Важно внимательно смотреть, прислушиваться к ощущениям, анализировать реакции на происходящее вокруг.

И конечно, важна деликатность и своевременность – нельзя лезть со своим вдохновением к человеку, когда оно ему ни к чему. Приведу пример. Ситуация эта случилась на следующий

день после моего первого успеха в новой профессии, когда я смог вдохнуть в Валю желание написать стихотворение после похода за провиантом.

День этот уже был вполне себе обычным, рабочим, поэтому мой подопечный с самого утра отправился в цех, чтобы восемь часов кряду резать и грузить трубы. Я же, ничем особенно важным не занятый, как и всегда в своей новой «жизни», решил попрактиковаться и вдохнуть в Валю немного желания творить и быть услышанным широкими людскими массами.

Первая же моя попытка увенчалась успехом (для меня, как для молодого, пока еще обучающегося своему мастерству Голоса), и подопечный мой почувствовал бурный поток мысли-рифм в своей голове. Только вот незадача – Валян в этот момент был занят перемещением труб с места на место, и концентрация на этом процессе ему была гораздо важнее, чем рифмы. Исход битвы физического и эфемерного был предreshён. Пусть и не сильно, но труба, висящая на тросах, таки приложила Валю по затылку. Вывод напрашивался сам собой – всему должно быть своё время и место. Даже вдохновению.

Второй важный урок мы с Валентином получили во время обеденного перерыва в тот же день. Наскоро сжевав ещё горячую лепёшку с сыром из ближайшей забегаловки с тандыром, Валя уселся на крыльце и начал что-то быстро записывать огрызком карандаша в свой блокнот, который обычно использовался для всяких рабочих пометок, вроде необходимой длины труб для нового заказа и прочей цифири. Через минут двадцать среди перечеркнутых строчек можно было разобрать вот что:

Небо сегодня такое синее,
Ультрамариновая артерия;
Кажется, я потихоньку вылинял,
Мысли – бесформенная материя.

Кажется мне, я сегодня в адовом
Пекле с руками кроваво-красными;
Прячусь от мира, как черт от ладана,
Вместе с похожими нечастными.

Дремлет за лацканами безмолвие,
А за душой – три гроша проржавленных;
Облако-сердце застыло оловом,
Уровень глотки – ручными жабами.

Втайне касаюсь живого дерева,
Кожи морщинисто-можжевеловой;
Может, отступит моя истерика,
Неподконтрольная, оголтелая.

Небо сегодня такое синее
На полпути до границы космоса;
Я на свободу его бы выменял,
На черно-белые жизни полосы.

Ну, написал и написал. Молодец Валя, молодец я, раз смог его настроить на нужный лад. Да и стихотворение вышло неплохое. Но вот зачем в этой своей творческой эйфории идти в раздевалку и декламировать написанное своим коллегам, мягко скажем, не привыкшим ни

к какой поэзии, кроме той, что передают на «Радио Шансон»? Загадка. И моя недоработка, конечно же.

В этот раз Вале повезло, удивлённые коллеги списали его странное поведение на возможное сотрясение мозга после удара трубы и ограничились только тем, что попросили больше не декламировать свои стихи перед коллективом. Правда, сказано это было чуть в более привычной для них форме, с упоминанием возможной сексуальной ориентации Валентина и прочих полагающихся в таких случаях словоформ.

Валя всё понял сразу, ведь парень он был далеко не глупый, я же для себя отметил, что важно учитывать не только время и место, но и окружение. Ничего, первый блин, он такой, с ним всякое случается.

Глава 16. Катерина

Жила-была девочка. И звали её Катя. Родилась она в небольшом посёлке, в семье учительницы и главного агронома местного колхоза, поставлявшего на столичные рынки картошку, свёклу да белокочанную капусту. По местным меркам семья была достаточно обеспеченная и интеллигентная, что особенно сильно раздражало односельчан. Поэтому жили Филимоновы уединённо, даже немного замкнуто.

Единственную дочь свою родители воспитывали собственным примером и книгами. Читать Катя научилась очень рано, года в четыре ещё, после чего привычка не расставаться с книгой прочно вошла в её жизнь навсегда – даже за обедом, ещё до поступления в первый класс, девочка читала «Книгу джунглей» или, например, «Приключения Тома Сойера».

Но, в отличие от своих родителей, Катя не стала заменять реальный мир миром вымышленным и очень естественным образом сочетала в себе начитанность, вежливость, пунктуальность и прочие черты, взращённые в ней родителями, с общительностью, тягой к уличным приключениям, играм и мелким безобразиям, коих на сельских улицах можно было найти сколько угодно. Если бы вы видели девочку Катю в её десять лет, то сразу бы поняли, почему она так любила повесть Астрид Линдгрен «Пеппи Длинныйчулок».

Время шло, Катерина выросла, хорошела, ловила на себе странные взгляды одноклассников и соседских мальчишек, перестала быть начитанным уличным сорванцом и как-то незаметно для себя самой превратилась во что-то новое, пока ещё несколько угловатое, неуверенное в себе и нерешительное, но очень обаятельное нечто.

Примерно в этот период Катя и познакомилась с Валентином. Знакомство их состоялось в не самом популярном для этого месте – не на дискотеке и не в школе, а в библиотеке дома культуры, куда оба они частенько заглядывали за новыми книгами для души или в поисках материалов для очередного реферата, заданного в школе. Конечно, учась в единственном среднем учебном заведении города, даже несмотря на разницу в возрасте (всего один год, конечно, но всё же), Валя и Катя практически ежедневно видели друг друга и раньше, но представлены, так сказать, официально не были.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.